

ПРОБЛЕМА СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЛИРИКЕ Э. ЯНДЛЯ И О. ГРИГОРЬЕВА

Коновод Л.М., Самосюк И.В., БрГУ им. А.С. Пушкина

Из контекста работ Г. Спенсера «Основания социологии» (1876–1896) следует, что социальные институты – это механизмы самоорганизации совместной жизни людей, обеспечивающие превращение асоциального по природе человека в социальное существо, способное к совместным коллективным действиям. Древнейшим и важнейшим образованием социализации индивида является такой социальный институт, как семья и брак. Усвоение социальных стандартов, норм поведения, ценностей культуры начинается в пространстве семейных отношений. Необходимо говорить о том, что семья – это «естественная модель, макромир широкого социального макромира» [1, с. 287].

Проблему девальвации отношений между мужчиной и женщиной, деформации семейного уклада, связей между родителями и детьми поднимают в своем творчестве многие писатели и поэты XX века. Особенно ярко и оригинально эти проблемы нашли воплощение в творчестве русскоязычных поэтов-«лианозовцев» и в стихах немецкоязычных конкретистов.

В истории советского неофициального искусства послевоенного периода особо выделяется творчество поэтов и художников так называемой «лианозовской группы» – Вс. Некрасова, Е. Кропивницкого, О. Потаповой, И. Холина, Г. Сапгира, Я. Сатуновского, а также О. Григорьева. Лианозово – маленький поселок под Москвой, ставший в 1950–1960-е годы приютом для «неофициальных», андеграундных поэтов. Позднее, уже в 70-е годы, по отношению к поэзии данных авторов по аналогии с неоавангардистским течением в литературе Запада стали применять определение «конкретизм» или «конкретная поэзия». Термин «конкретизм» подчеркнул одну из главных черт поэтического творчества данных авторов – конкретность, функциональность «живого» слова, обладающего богатейшей интонировкой, передающего личный речевой опыт, говорную стихию.

В этот же период схожее явление переживала литература Германии и Австрии. В самом деле, «лианозовские» поэты и мастера немецкоязычной конкретной поэзии – О. Гомрингер, Э. Яндль, Х. Хайсенбюттель, Г. Рюм – в своем творчестве использовали зачастую схожие мотивы, приёмы, подходы к изображению мира и человека; следует говорить в этой связи о поразительной общности эстетических и поэтических установок представителей разных национальных литератур.

Безусловно, общим стал пафос прямого, «нелитературного» взгляда на социальную и метафизическую действительность. Произведения конкретистов, как русских, так и немецкоязычных, тяготеют к разрыву с каноном, критическому осмыслению традиционных форм и жанров поэтического высказывания. Лирика поэтов данного направления непосредственно зависит от вещного мира, очевидных реалий, ассимилируя в себе любой материал (будь то «советский», отмеченный диктатурой немецкий, др.). Подобный «предельно индуктивный», чисто эмпирический путь приводит к прямой лирике», – отмечает литературный критик Вл. Кулаков [2, с. 168]. Россия после Сталина, Германия после Гитлера, тоталитарное прошлое, породившее не только социальные проблемы, но и чувство эстетической катастрофы, привели к параллельному возникновению в различных национальных литературах схожего явления. Кроме того, в обеих национальных литературах знакомство с авангардными явлениями первой половины XX века по схожим причинам случилось позже, именно в 50-60 гг., соответственно в СССР во времена «оттепели», а в немецкоязычной литературе в послевоенные годы.

Тексты русско- и немецкоязычных конкретистов проникнуты нигилистическим пафосом по отношению к бюрократически-тоталитарному обществу, пуризму и рассудочности

«нормативной» литературы. В СССР и Австрии (родина Э. Яндля) 50-60 гг. XX века с их высоким уровнем юридического и бюрократического регулирования экспериментальные тексты Э. Яндля и О. Григорьева стали противовесом формализованности и догматизма литературной политики.

Мир в изображении лианозовцев, Э. Яндля, О. Григорьева гротескно банален, в его изображении авторы тяготеют к абсурдизации. Предметы живой и неживой материи, вещи и люди в поэзии этих направлений в принципе неразличимы, что порождено насилием и хаосом мира, дисгармоничными отношениями личности с тоталитарной средой. В ключе горькой иронии представлена и тема отношений между мужчиной и женщиной. Тема абсурдной реальности проявляет себя в репликах рассказов-диалогов Э. Яндля «семь коротких рассказов». В данных рассказах, построенных на примере диалогов близких людей, отображается проблема «выхолощенного» общения, в котором изо дня в день повторяются общие фразы и клише. А взамен теплоты и неподдельных эмоций появляются ослышки и речевые шутки:

жил-был человек по имени ТОМАС, согнул он колено, «ах, как гнется твое колено», сказала жена. «ну да, ответил муж, не знаю, идет ли дождь».

жил-был человек по имени ПЕТЕР, «сколько времени? сколько времени? сколько времени?» спрашивала его жена. «о-о», говорит Петер [сохранена традиция письма конкретизма без заглавных букв].

Показательны сравнения творчества немецкоязычного поэта с произведениями русской школы лианозовцев и текстами О. Григорьева данной тематики:

Обозвала его заразой,
и он, как зверь, за эту фразу
подбил ей сразу оба глаза.
Она простила, но не сразу (поэт-лианозовец И. Холин).
Старик сторук,
Старуха сторука,
В двести рук
Колотят друг друга (О. Григорьев)

Стихи О. Григорьева, Э. Яндля, других конкретистов буквально повторяют экспрессионистскую эстетику боли и крика, предназначаются для эмоционального восприятия. Лирика этих авторов фокусируют внимание на проблемах мира, погруженного в насилие, на проблемах детей, которые не видят ласки от общества и семьи. Вот как рассказывает об этом герой стихотворения Э. Яндля «новости из взрослого далека». В тексте не звучит традиционный мотив лирической тоски о благословенных временах, поскольку уже в раннем детстве герой остро чувствует несправедливость, абсурдность каждой минуты бытия, а семейные ссоры домочадцев воспринимаются как каждодневный апокалипсис:

<...>
а мать кричала:
«я убью себя!»
в борьбе с отцом
но только била тарелки
об пол
это были новости
из взрослого далека
для маленького ребенка

Подобные же перечисления увечий, ударов и травм, полученных от окружающих – традиционное содержание поэзии Э. Яндля и О. Григорьева.

Важным элементом поэзии О. Григорьева является парадокс между ожидаемым и произошедшим. Именно розыгрыш, неожиданность развязки сообщают текстам поэта напряженность и остроту:

Старая, слабая бабушка
Оставила дома ключик.
Звонила старая бабушка.
Но не открыл ей внучек.
Старая бабушка ухнула.
В дверь кулаком бахнула,
Дубовая дверь рухнула,
Соседка на кухне ахнула,
Качнулся сосед на стуле,
Свалился с кровати внучек,
Упала с полки кастрюля
И бабушкин маленький ключик.

Уменьшительные суффиксы, интонация робости по началу убеждают читателя, что лирическая героиня стихотворения, старая бабушка – станет жертвой ситуации, долго не сможет попасть в свой дом, будет мучаться от беспомощности. На деле оказывается (эффект обманутого ожидания), что бабушка в силах постоять за себя, что она чуть ли не герой боевика, одним ударом побеждающий целую армию.

Э. Яндль создает в своей поэзии целую галерею образов детей. Сказочный сюжет о золотой рыбке в одноименном стихотворении этого поэта подвергается переосмыслению. Поэт рассказывает обычную для мира взрослых историю предательства, повествует о воспитании конформизма в ребенке, формировании гражданина «общества потребления», для которого нет святынь. Стихотворение повествует о событии, на первый взгляд, очень обычном: покупке новой игрушки, золотой рыбки, для маленького мальчишка. При этом, старая рыбка, просто «красная», а не золотая, оказывается выброшенной на свалку:

ребенок видит во сне золотую рыбку,
которая отдыхает рядом с ним
золотая рыбка видит во сне ребенка.
она видит во сне: ребенок хороший.
другая золотая рыбка
спит в мусорном ведре.
и эта бедная золотая рыбка видит во сне,
как она спит рядом с ребенком в кровати.

В стихотворении параллельно представлено развитие трех потоков сознания разных героев. Каждый из них рассуждает об одном и том же реальном событии, представляя свою версию происходящего. Из этих разрозненных фрагментов воссоздается динамическая, полифоническая картина реальности. На основе ограниченного подбора слов, соответствующих детскому лексикону, Э. Яндлю удается рассказать историю, наполненную драматизмом повседневности, отчаянием будничного.

В стихах Э. Яндля, О. Григорьева, других поэтов-конкретистов, под бесхитростным детским взглядом реальность предстает насилием, где даже семейные отношения дискриминированы грубостью, жестокостью, а зачастую и садизмом взрослых, которые переносят ценности социума во взаимоотношения между детьми и родителями. В условиях дегуманизированной системы тоталитарных отношений, воссозданных в гротескно-ироничных стихах этих поэтов, одна из важнейших функций социального института семьи – функция закрепления и воспроизводства общественных отношений – предстает началом своеобразного замкнутого круга. Насилие в обществе калькируется на отноше-

ния внутри семьи, тем самым деформируя личность ее членов, порождая новый виток насилия. Поэты, обращаясь к данной проблеме, попытались по-своему ее решить. Лирика конкретистов – призыв к изменению пагубной практики насилия и деструкции в семье, попытка взглянуть на происходящее «другими» глазами.

Литература

1. Бабосов, Е.М. Общая социология: учеб. пособие для студентов вузов / Е.М. Бабосов. – 3-е изд. – Минск: ТетраСистемс, 2006. – 640 с.
2. Кулаков, В. Г. Поэзия как факт / В. Г. Кулаков. – М.: Новое литературное обозрение, 1999. – 468 с.

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВЫ ХРИСТИАНСТВА

*Лагуновская Е. А., аспирант каф. философии и методологии
университетского образования Республиканского института высшей школы*

Введение. Важнейшей социально-философской проблемой, определяющей взаимоотношения между миром и человеком, является духовная жизнь человека, где основную роль играют те базовые духовные ценности, которые лежат в основе его существования. Как экзистенциальные (смысложизненные) ценности, они удовлетворяют духовные потребности людей, определяют их мировоззренческие позиции и основные жизненные интересы.

С оформлением христианской философии происходит радикальное переосмысление основополагающих принципов духовности, лежащих в основе осмысления духовно-нравственных ценностей и культуры. Идеология христианства выдвигает новые духовно-нравственные ценности, и, совершенно по-другому, в сравнении со многими античными мыслителями, объясняет проблему духовности и составляющих ее ценностей. Христианство исходит из понимания ценности как абсолютного блага, имеющего значимость в любом отношении и для любого субъекта. Специфика христианской философии заключается в ее сопряженности с религиозной идеологией, основанной на принципах Откровения и монотеизма.

Аксиологические особенности христианства. Христианский Бог как основа духовного мира человека оказывает существенное влияние на осмысление проблемы духовности. Богооткровенная истина о Троице как абсолютно совершенном Духе для христианина является высшим благом и источником всех остальных ценностей. В соответствии с теоцентризмом как основополагающим принципом христианской философии, Бог является не только абсолютным Разумом и Всемогуществом, но и всесовершенным источником всякого бытия, истины, святости, любви, блага и красоты («Бог любви есть»). Непрестанное влечение к совершенному идеалу означает религиозность, духовность человека, развитие которой всегда происходит в акте веры, являющейся формирующим началом христианского мировоззрения.

В соответствии с христианской философией духовность – это самое высокое, конечное, абсолютное, к чему стремится личность, что отражается на ее индивидуальной деятельности. Духовные основы христианства, с одной стороны, возводят ум человека к запредельному, возвышенному (идея Бога); с другой стороны – обращаются к проблеме повседневности, что выражается в формах благочестия (в соответствии с православной традицией). Таким образом, происходит постоянная корреляция: трансцендентное (постороннее) – имманентное (посюстороннее, земное). Если духовность характеризует